

УДК 8

DOI 10.21661/r-474026

*Н.В. Абзаидова***ОБРАЗ БЛАГОДЕТЕЛЯ В РОМАНЕ-
АНТИУТОПИИ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»**

Аннотация: статья посвящена некоторым особенностям функции и построения образа Благодетеля в романе Замятина. Рассмотрена одна из центральных философских проблем романа – проблема свободы и счастья. Путем ее реализации в произведении является образ Благодетеля, который имеет давнюю литературно-философско-религиозную традицию. Именно в монологе Благодетеля озвучивается древняя антиномия свобода – счастье. И хотя в романе мы наблюдаем победу рационального Единого Государства над душой, но явно улавливаем авторскую точку зрения о бесчеловечности такого «счастья».

Ключевые слова: Благодетель, свобода, счастье, рай.

*N.V. Abzaidova***THE IMAGE OF THE BENEFACTOR
IN THE DYSTOPIAN NOVEL «WE» OF E. ZAMYATIN**

Abstract: the article is devoted to some features of the function and construction of the image of the Benefactor in the Zamyatin novel. One of the central philosophical problems of the novel – the problem of freedom and happiness – is considered. Through the implementation of this problem the image of the Benefactor, who has a long literary, philosophical and religious tradition, appears in the work. It is in the monologue of the Benefactor that the ancient antinomy freedom – happiness is voiced. And although in the novel we observe the victory of the rational United State over the soul, but we clearly catch the author's point of view about the inhumanity of such «happiness».

Keywords: Benefactor, freedom, happiness, paradise.

В чем заключается счастье человечества? Как его достичь? С чем оно связано? На протяжении всей мировой истории людей волнуют эти вопросы, и ответы на них ищутся и по сей день. Таким образом проблема поиска счастья имеет давние литературно-философские истоки.

Проблема свободы и счастья или же «насильственного счастья» – одна из центральных проблем известного романа-антиутопии XX века Е. Замятина «Мы». Разворачивая эту проблему, Замятин использует в своем романе образ Благодетеля.

Объединяющей силой в любом государстве выступают его правители. В романе «Мы» – это Благодетель. Он тот, кто управляет Единым Государством «математически мудро», «с алгебраической любовью». Мужество, рассудительность, справедливость присущи Благодетелю, если рассматривать его с точки зрения интересов идеального государства. Благодетель действует по-разному: то убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны, а также для общества в той мере, в какой они вообще могут быть полезны. Благодетель дал «нумерам» Единого Государства все, что необходимо человеку для «счастья»: пищу, пусть и из нефти, так как в ходе 200-летней войны сельское хозяйство уничтожено; интимно – личную жизнь – право на розовый талон с любым номером Государства противоположного пола; потребность в зрелищах – массовые праздники на Площади Куба, т.е. все физиологические и материальные потребности человека были удовлетворены Единым Государством. Но взамен такого «счастья» жители государства обезличены, превращены в «нумера», которые лишены даже собственного имени. Имя – это первое с рождения, что отличает нас друг от друга. В Едином Государстве такой надобности нет, так как индивидуальность полностью нивелирована, нет Я, есть Мы, так как «Я – от дьявола, а Мы – от Бога». Индивидуальность в мире рационального Единого Государства – болезнь, а предательство и донос – это подвиг. Жители превращены в «среднее арифметическое», роботизированные винтики большого слаженного механизма Единого Государства, которые легко взаимозаменяемы. Такова плата за «математически

безошибочное счастье». А нужно ли такое счастье, гуманно ли оно? Здесь и возникает давняя проблема: счастье без свободы или свобода без счастья.

Нумера – заговорщики называют своего правителя палачом. Однако Благодетель не боится слова «палач». Он философски подходит к рассмотрению его смысла, рассуждая о трудной доле палачей. Он утверждает, что их роль «самая трудная, самая важная», потому что они вообще воплощение любви, так как люди всегда понимали, что истинная любовь к человеку всегда бесчеловечна. Таким образом, «он тот, кто не щадит себя для блага человечества», он тот, кто несет это тяжкое бремя и должен «заставить их быть счастливыми» [2, с. 122].

Издревле люди мечтали о счастье и выражали эту мечту в совершенном образе рая. И Единое Государство создало этот рай: «ведь в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви, там – блаженные, с оперированной фантазией – ангелы, рабы Божьи» [4, с. 126]. Из любви к нумерам и во имя Единого Государства Благодетель должен приковать нумера «к этому счастью» на цепь. Это делается для их же собственного блага, поэтому правитель называется не палачом, а Благодетелем. Нумерам же остается лишь восславить его в стихах и одах, увенчать его цветами по старому обычаю. По логике Благодетеля, которую он разворачивает в сцене свидания с Д-503, он не только не враг, он настоящий друг человечества, так как, зная истинную природу человека, возложил на свои плечи тяжкое бремя поддержания несвободы людей как залога их счастья.

Благодетель часто сравнивается с Богом. В романе к нему применяются следующие определения: «новый Иегова на аэро», «мудрый паук в белых одеждах». О том, что Благодетель сравнивается с Богом или же даже вместо него в этом мире свидетельствует фраза жителей Единого Государства, с которой они обращаются друг к другу: «Простите меня, ради Благодетеля». Но сам таинственный и всемогущий Благодетель считает себя отнюдь не Богом, а всего лишь его первым служителем [12, с. 22]. «Вспомните: синий холм, крест, толпа. Одни вверху, другие – внизу. Вверху обрызганные кровью, прибывают тело к кресту; другие, – обрызганные слезами, смотрят. Не кажется ли вам, что роль тех, верхних,

самая важная, самая трудная. Да не будь их, разве была бы построена вся эта величественная трагедия? Они были освистаны темной толпой: но ведь за это автор трагедии – Бог – должен еще щедрее вознаградить их...».

[4, с. 132]. Здесь и выявляется борьба двух полярных начал: за человека (для его же якобы блага) или против него; гуманизм или фанатизм, исходящий из того, что люди, народ, сами нуждаются в жестком пастыре. Неважно, кто он – обожествленный тиран или свирепый Творец всего сущего; важно, чтобы человека можно было загнать в раба, муравья, в обезличенный «номер». Ведь «истинная, алгебраическая любовь к человеку – непременно бесчеловечна, и непременный признак истины – ее жестокость. Как у огня – непременный признак тот, что он сжигает» [4, с. 133]. В. Недзвецкий в своей статье писал:

«... замятинский Благодетель – атеист и аморалист, отрицающий свободную природу человека и считающий себя подлинным его спасителем» [7, с. 20].

Благодетель считает, что именно такая любовь и истина нужны человеку. Именно таким и должно быть истинное счастье. Для него понятия «любовь» и «жестокость» неразделимы. «Я спрашиваю: о чем люди – с самых пеленок – молились, мечтали, мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье – и потом приковал их к этому счастью на цепь. Что же другое мы теперь делаем, как не это?». Таким образом Благодетель решает антиномию свободы и счастья.

Если вспомнить Достоевского, то становится ясно: перед нами не Бог, а замаскировавшийся под него Великий Инквизитор. В отличие от Достоевского, автора «Легенды о Великом Инквизиторе», Замятин, руководствуясь особой, модернистской диалектикой, противопоставляет не Христа Великому Инквизитору, а Христа до Его воскресения. Так возникает, считает Т. Давыдова, еще один «синтетический модернистский образ в романе – образ Благодетеля» [3, с. 146].

При всей философской глубине романа Замятин использует и такой прямолинейный эффект, как карикатура: «Передо мною сидел лысый, сократовски лысый человек, и на лысине – мелкие капельки пота».

Н. Фигуровский, Л. Геллер и другие исследователи считают это описание политическим намёком.

В Едином Государстве жалости, как и прочих человеческих чувств, нет и быть не может. Поэтому безжалостна карающая рука Благодетеля. «Личное сознание – это болезнь», – рассуждает главный герой. Здесь может помочь Медицинское Бюро, операция по удалению фантазии, неисцелимым «поможет» Машина Благодетеля. Казнь считается праздником. Авторский сарказм проявляется в изображении приговоренного, чьи руки перевязаны пурпурной лентой.

Надо отметить и особый замятинский стиль в построении образов. В портрете каждого героя у Замятина преобладает какая-то одна черта, особенность, развернутые описания в романе отсутствуют. В описании Благодетеля внимание читателей постоянно обращается на его железную руку, карающую руку. В его портрете эта деталь преобладает. Она говорит о характере Благодетеля и его власти, давлении на государство: «Лица отсюда, снизу,

не разобрать: видно только, что оно ограничено строгими, величественными квадратными очертаниями. Но зато руки. Так иногда бывает на фотографических снимках: слишком близко, на первом плане, поставленные руки – выходят огромными, приковывают взор – заполняют собой все. Эти тяжкие, пока еще спокойно лежащие на коленях руки – ясно: они – каменные, и камни – еле выдерживают их вес. И вдруг одна из этих громадных рук медленно поднялась – медленный, чугунный жест».

Как было отмечено ранее, идея образа Благодетеля в романе «Мы» не является художественным новшеством Е. Замятина, а имеет свои литературно-философские истоки. В. Недзвецкий в своей статье приводит ряд прототипов замятинского Благодетеля. «Ближайшим и непосредственным предшественником главы Единого Государства стал, – считает критик, – герой «Повести об Антихристе». Вл. Соловьева [12, с. 23]. Оба героя этих произведений достигают благоденствия в государстве «равенством всеобщей сытости», а после «возможность постоянного наслаждения самыми разнообразными и неожиданными чудесами и

знамениями», таким образом, они разрешали вечные «политический и социальный вопросы».

Как указывал сам Замятин, литературными учителями его были Гоголь и Достоевский. В его прозе действительно наблюдается ассоциации с романом Достоевского. Сцена диалога Д-503 и Благодетеля схожа с «Поэмой о Великом Инквизиторе» Ивана из Братьев Карамазовых». В своем романе Замятин переосмысливает «Легенду о великом инквизиторе», но ведущей объединяющей мыслью стала идея о несовместимости свободы и счастья человечества. Однако Замятин-гуманист выносит в романе единственно верное решение: такая идея бесчеловечна.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – М., 1963; 1974; 1979; Киев, 1994.
2. Веселова А. «Благодетель» Е.И. Замятина в трактовке Мишеля Геллера (по роману «Мы») // ВГУ: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2011. – С. 120–124.
3. Давыдова Т.Т. Роман Евгения Замятина «Мы» – открытие и пророчество // Литературная учеба. – 2002. – Кн. 6.
4. Замятин Е.И. Мы // Е.И. Замятин. Избранное. – М.: Правда, 1989. – С. 307–462.
5. Ланин Б.А. Роман Евгения Замятина «Мы». – М.: Алконост, 1992. – 27 с.
6. Михайлов О. Гроссмейстер литературы // Замятин Е. Избранное. – М., 1992.
7. Недзвецкий В.А. Благо и благодетель в романе Е. Замятина «Мы»: о литературно-философских истоках произведения // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – 1992. – Т. 51. – №5.
8. Нянковский М.А. Антиутопия: к изучению романа Е. Замятина «Мы» // Литература в школе. – 1998. – №3,4.
9. Попова И.М. «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина: (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский). – Тамбов: Тамбов, гос. техн. ун-т, 1997. – 152 с.

10. Скороспелова Е.Б. Замятин и его роман «Мы»: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / Е.Б. Скороспелова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 80 с.

11. Сухих О.С. Художественное переосмысление «Легенды о великом инквизиторе» Достоевского в русской литературе XX–XXI вв.

12. Фигуровский Н.Н. К вопросу о жанровых особенностях романа Е. Замятина «Мы» // ВМУ. – 1996. – №2.

References

1. Bakhtin, M.M. (1963). Problemy tvorchestva Dostoevskogo. M.; Kiev.

2. Veselova, A. (2011). "Blagodetel' E.I. Zamiatina v traktovke Mishelia Gellera (po romanu "My"). VTU: Gumanitarnye nauki, 120–124. Tambov.

3. Davydova, T.T. (2002). Roman Evgeniia Zamiatina "My". Literaturnaia ucheba, Kn. 6.

4. Zamiatin, E.I. (1989). My. E.I. Zamiatin. Izbrannoe, 307–462. M.: Pravda.

5. Lanin, B.A. (1992). Roman Evgeniia Zamiatina "My"., 27. M.: Alkonost.

6. Mikhailov, O. (1992). Grossmeister literatury. Zamiatin E. Izbrannoe. -. M.

7. Nedzvetskii, V.A. (1992). Blago i blagodetel' v romane E. Zamiatina "My": o literaturno-filosofskikh istokakh proizvedeniia. Izv. RAN. Serii literatury i iazyka.

8. Niankovskii, M.A. (1998). Antiutopiia: k izucheniiu romana E. Zamiatina "My". Literatura v shkole, 3,4.

9. Popova, I.M., Saltykov-Shchedrin, M. E., & Dostoevskii, F. M. "Chuzhoe slovo" v tvorchestve E.I. Zamiatina: (N.V. Gogol'), 152.

10. Skorospelova, E.B. (1999). Zamiatin i ego roman "My": V pomoshch' преподаvateliam, starsheklassnikam i abiturientam., 80. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.

11. Sukhikh, O.S. Khudozhestvennoe pereosmyslenie "Legendy o velikom inkvizitore" Dostoevskogo v russkoi literature XX–XXI vv.

12. Figurovskii, N.N. (1996). K voprosu o zhanrovyykh osobennostiakh romana E. Zamiatina "My". VMU, 2.

Абзаидова Нурьяна Вагидовна – аспирант ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет», Россия, Махачкала.

Abzaidova Nuriana Vagidovna – postgraduate student at the Daghestan State Technical University, Russia, Daghestan.
